

УДК 821.161.1–31«16»
DOI 10.17223/18137083/65/5

Т. А. Махновец, Л. В. Титова

*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола
Институт истории СО РАН, Новосибирск*

«Повесть о Хмеле» в литературном процессе XVII века

Представлены результаты анализа «Повести о хмеле», выявлены особенности и причины переработки «Слова о Хмеле» (XV в.) в повествовательную форму книжниками XVII–XVIII вв., отражающую запросы читателей XVII в. Анализ «Повести о Хмеле» и ее источника «Слова о Хмеле» позволил выявить истоки зарождения смеховой культуры и темы двойничества в древнерусской литературе.

В Приложении впервые публикуется «Повесть о Хмеле» по списку XVIII в., текст которого отличается от известного по более ранним изданиям.

Ключевые слова: «Повесть о Хмеле», «Слово о Хмеле», смеховая культура, притча, судьба-доля, двойничество.

«Повесть о Хмеле», известная в списках XVII–XVIII вв. [Адрианова-Перетц, Покровская, 1940, с. 253], занимает в литературном процессе место скромное, но заслуживающее внимания. Небольшая по объему, созданная на основе более ранних сочинений, близких по теме, она позволяет выявить направленность и приемы работы нового круга книжников, хорошо представлявших запросы читателей, круг которых тоже обновился и расширился [Титова, 1987, с. 155; 2015, с. 49].

Главным источником новой повести послужило «Слово о Хмеле» [ПЛДР XV, 1982, с. 578–581; Повесть о Горе-Злочасти, 1985, с. 78–81], рукописная традиция которого сохранялась с XV по XIX в., что свидетельствует о неослабевающем интересе к этому произведению. Как «предчувствие» «Повести о Горе-Злочасти» в персонификации судьбы, рока и появлении в связи с этим образа двойника человека рассматривал его Д. С. Лихачев, определив место «Слова о Хмеле» как

Махновец Татьяна Александровна – научный консультант Марийского государственного университета (пл. Ленина, 1, Йошкар-Ола, 424000, Россия; izograf240@yandex.ru)

Титова Любовь Васильевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; titova_istochnik@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 4
© Т. А. Махновец, Л. В. Титова, 2018

«среднее между высокой литературой, повернутой на низкую тему, и скоморошьим раешником» [Лихачев, 1982, с. 19].

В качестве жанра высокой литературы, на который внешне ориентировано «Слово о Хмеле», должна быть названа проповедь. К ней отсылают читателя и речь от первого лица, обращенная к самому широкому кругу слушателей (ко «всякому человеку» с последующим перечислением представителей разного рода занятий и различного социального положения), и осуждение пьянства как порока, и настоящее время (Д. С. Лихачевым художественное время проповеди охарактеризовано как «настоящее время богословского обобщения» [Лихачев, 1979, с. 275]). И учительная, и праздничная проповедь направлены к спасению как чаемому будущему и задаче каждого человека и человечества [Махновец, 2007]. Трудность исполнения ее обуславливает нераздельность понятий «страх» и «надежда». Единство их С. С. Аверинцев определил как «характерный христианский парадокс “уже-но-еще-не”» [Аверинцев, 1997, с. 79].

«Слово о Хмеле», ритм которого задан сказовым стихом [Махновец, 1985], характерным для смеховой культуры, не оставляет надежды ни одной из жертв Хмеля. Всякого, кто с ним неосторожно «здружится» [Повесть о Горе-Злочасти, 1985, с. 78], ждет скорая и неизбежная кара: человек лишается всего, что было связано с родом его занятий и местом в социуме, исторгается из устроенного мира в никуда.

Хмель утверждает, что власти его избежать невозможно («руце мои держат всю землю» [Там же]), но бедствия своих жертв расценивает как заслуженную кару. Так глумится над своими жертвами Дракула, который «как бы возлагает вину за мучения на самих жертв» [Лихачев, 1982, с. 13]. И так же, как в «Повести о Дракуле», характер наказания определен характером преступления [Там же, с. 14]: «здружившиеся» с Хмелем утрачивают способность выполнять свои обязанности и потому лишаются своего положения. Князь, боярин, купец, княжеский слуга, селянин, мастер, женщина как бы даже не заслуживают рассказов о себе. Речь Хмеля может восприниматься не как рассказ о событии, а как событие рассказывания [Сенчина, Гиршман, 1980, с. 114]. Характер издевки над всеми, кто подвластен Хмелю, имеет и своеобразный «автопортрет» героя, в котором узнается и облик его жертвы: «Аз есмь силен боле всех плод земных, от корени есмь силна, от племени велика и многородна. Мати моя сотворена Богом. А имею у себе нози тонци, а ютробу необьядчиву, руке мои держат всю землю, а главу имею у себе высокоумну, а умом есмь неровен, а языком многоглаголив, а очима бессрамен» [Повесть о Горе-Злочасти, 1985, с. 78]. Текст здесь похож на загадку. От загадки он отличается тем, что уже назван предмет загадывания [Митрофанова, 1978, с. 106]. Но здесь угадывается и «портрет» жертвы Хмеля. Загадка оборачивается еще одной издевкой.

Хвастливая речь Хмеля содержанием и формой предвосхищает смеховую культуру XVII в., ментальностью которой является безнадежность [Панченко, 1984, с. 137]. Следующая за ней прозаическая часть «Слова о Хмеле» не менее сурова к неумеренным в хмельном питии. Но слово «хмель» больше не употребляется, речь идет о пьянстве; порок здесь представлен как неискоренимый и погубительный. Невозможность спасения объясняется отсутствием покаяния, полной невозможностью его для пьяного, которого не спасет даже молитва о нем: «аще со вся земля сошлись бы попове и молитву сотворили, но вем, яко не прогнати пианьства, самоволнаго беса» [Повесть о Горе-Злочасти, 1985, с. 78].

Привлекая своей необычностью, «Слово о Хмеле» не могло не настораживать читателей и переписчиков. Уже в XV в. известный книгописец Ефросин, перу которого принадлежит один из двух самых ранних списков памятника [ПлДР XV, 1982, с. 578–581, 688], нашел возможность обезопасить его содержание сокращением числа жертв Хмеля, почти полным отсечением прозаической части «Слова».

Из-под его пера вышло сочинение, предупреждающее об опасности хмельного питья и женском несовершенстве. Второй список XV в. [Повесть о Горе-Злочасти, 1985, с. 78–81] свидетельствует о раннем зарождении смеховой культуры, предстающей в рукописной традиции «Слова о Хмеле» (этот вариант памятника является основным), раннем зарождении темы двойничества. Если смех над самим собой выявляется в «автопортрете» Хмеля, а средством осмеяния является ритм, требующий издевательской краткости, то двойник уже сформировался в основных чертах. Наглый и лживый, пошлый, он умеет смутить человека низкой ложью о нем, обезоружить, признать безнадежность борьбы с вражеским началом в себе. «Слово о Хмеле» в этом отношении предвосхищает развитие двойничества в литературе XIX и XX вв. (в творчестве Ф. М. Достоевского, А. А. Блока).

«Слово о Хмеле» не могло служить задаче учительной. Верное восприятие его требовало определенной начитанности. Вставал вопрос об уместности его в рукописном репертуаре, предназначенном для широкого круга читателей.

При переработке «Слова о Хмеле» в XVII в. речь Хмеля получила незамысловатое повествовательное обрамление, позволившее значительно умерить «высокоумие», определявшее содержание этой речи. Она обращена уже не ко всем живущим на земле, но к единственному слушателю и вызвана действиями некоего безымянного героя повествования. На его поведение с первых строк нового произведения обращено внимание читателя. Если в «Слове о Хмеле» читателя должно было захватить событие рассказывания, то теперь он неспешно входит в рассказ о событии. При этом повествование здесь имеет явную соотнесенность с притчей, что обеспечивало восприятие нового произведения как душеполезного. «Дидактичность притчи в Средние века считалась ее основополагающей чертой» [Ромодановская, 1985, с. 43]. Герой всякой притчи предстает перед читателем как человек вообще – «человек некий» [Там же, с. 47]. Новое сочинение, в которое было преобразовано «Слово о Хмеле», начинается в духе притчи: «Бе некий человек. Живяше бо в дебри и сотвори себе хижу, и живяше в ней много лет» [Повесть о Горе-Злочасти, 1985, с. 81]. Книжник, превративший «Слово о Хмеле» в произведение повествовательное, не заметил, что герой его сочинения отличается от героя притчи тем, что главный свой выбор он уже совершил, избрав одинокую жизнь «в дебри», и угрозы Хмеля он не может применить к себе: он не князь, не купец, не селянин, а в «хиже» своей он не устраивает пиров. Единственный выбор, который он может совершить, это выбор между яблоком, сорванным с яблони, и «смоквицей» той «травы», что обвилась вокруг яблони и оказалась хмелем. Поскольку страшное может вызвать интерес, подчеркивается «ужас велий», испытанный одиноким человеком при звуке голоса, прозвучавшем в пустом, безлюдном лесу. Пространный рассказ Хмеля в «Повести» уже не устрашает, а убеждает, предупреждает от излишеств в питии. Признается уместность, даже необходимость «пробы» Хмеля на дружеском обеде. Опасности хмельного питья для людей разного рода занятий в «Повести» уделено даже больше внимания, чем в «Слове». Но здесь речь Хмеля нетороплива, обстоятельна, включает в себя некоторые подробности. Человек также проявляет обстоятельность и осмотрительность. Он не только «зверзает... смоквицу на землю» [Там же, с. 83], но и рассуждает об услышанном как о чуде.

Текст «Повести о Хмеле» по спискам ее не обладает стабильностью. Для среды, в которой она читалась и переписывалась, профессионализм книжника не характерен. Но должно быть отмечено восприятие ее как полезной (что может быть выражено в названии, включающем словосочетание «повесть полезна»), стремление сохранить ориентацию на душеполезное чтение. В публикуемом списке черты притчи, воспринимавшейся как жанр душеполезный, восстанавливаются отсечением упоминания об отшельнической жизни благочестивого героя повести. Можно утверждать, что «человек некто», встретивший опасную «траву» не в лесу,

а в поле, что свидетельствует, по-видимому, об утрате начальной части повести, в отличие от лесного жителя, действительно совершил нравственный выбор, как положено герою притчи: «поверже он смоковницу на землю»¹. Правда, в поле он ничего не срывал, а «смоквица» (некий плод) превратилась в смоковницу (дерево).

«Повесть о Хмеле» – не единственный пример переработки «Слова о Хмеле» в XVII в. Другой подход к его тексту с целью устранения сомнительных и опасных особенностей содержания и формы источника осуществлен в «Послании к некоему иноку о Хмеле» [ПЛДР XVII, 1989, с. 244–249, 616–617]. Автор его проявил себя как умелый профессионал, владеющий разнообразными художественными средствами, позволившими преобразовать текст, сомнительный с точки зрения и содержания, и формы в сочинение, одновременно и занимательное, и удовлетворяющее всем требованиям душеполезности. В сравнении с ним «Повесть о Хмеле» воспринимается как результат своеобразного сотрудничества переписчиков и читателей динамичной эпохи.

Список литературы

- Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. 343 с.
- Адрианова-Перетц В. П., Покровская В. Ф.* Библиография истории древнерусской литературы. Древнерусская повесть. М., 1940. 326 с.
- Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. 360 с.
- Лихачев Д. С.* Литература эпохи исторических размышлений // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV в. М., 1982. С. 5–20.
- Махновец Т. А.* Ритмическая организация «Слова о Хмеле» // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 14–23.
- Махновец Т. А.* Сотериологический историзм в древнерусской литературе // Христианское просвещение и русская культура: Материалы X науч.-богословской конф. Йошкар-Ола, 2007. С. 98–104.
- Митрофанова В. В.* Русские народные загадки. Л., 1978. 178 с.
- ПЛДР XVII – Памятники древнерусской литературы. XVII век. Кн. 2 / Подгот. текста и коммент. Н. С. Демковой, Т. А. Махновец. М., 1989.
- ПЛДР XV – Памятники древнерусской литературы. Вторая половина XV в. М., 1982. 688 с.
- Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. 205 с.
- Повесть о Горе-Злочастии / Изд. подгот. Д. С. Лихачев, Е. И. Ванеева. Л., 1985. 110 с.
- Ромодановская Е. К.* Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX веков. Новосибирск, 1985. 384 с.
- Сенчина Л. Т., Гиришман М. М.* Лирический сюжет стихотворения М. Ю. Лермонтова «Парус» // Сюжетосложение в русской литературе. Даугавпилс, 1980. С. 114–121.
- Титова Л. В.* Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. 416 с.
- Титова Л. В.* Пути формирования и развития русской повести XVII в. // Традиция и инвенция в славянских литературах. Лодзь, 2015. С. 49–56.

---

¹ ОР РНБ, Q. I, № 708, л. 339 об.

**Сказание о хмелю,
како рече к человеку про себя взят домой**

(Л. 335) Человек некто хождаше по полю и се глас к нему бысть от травы: «Человече, знаешь ли ты меня? Человек, слышал ли еси про меня?» И человек той став и изуменя, нападе на него ужас велий. И помалу нача его вопрошати той человек: «Кто ты есть, глас испущаешь, аз бо тя не знаю, повеждь ми».

И се глас бысть от тое травы: «Глаголю тебе, человече, аз бо есмь Хмель!»

И рече человек той: «Кто ты Хмель и какую силу имеешь?»

И глас бысть от травы тоя: «Глаголю тебе, человече, аз бо есмь Хмель и начну тебе поведати всю истинну свою и ты слышав мои глаголы, внимай. Аз бо есмь силен, паче инех плодов земных // (л. 335 об.) от корене сильного и многоплоднаго и племени великаго. А мати моя сотворенна Богом, а имею у себя ноги тонки, а утробу необжерчиву, а главу есми имею высокоумну, а язык имею многоглаголив, и ум разноумен, а очи мрачны и завистливы. Аз спесив добре, аз богат вельми, руце мои держат всю землю. А таков нрав имею: аще кто учнет меня держатися, царь кой или князь, или боярин, или святительский чин, или чернец, или черница, или купец, или муж, или жена, и всякаго чину люди, только учнут со мною знатися, первое сотворю его блудником, к Богу не молебна, на молитву не встаньлива, и ум его отиму, и встав он с похмелья неможет, на постеле своей стонет // (л. 336) и встати не хочет: глава его болит, очи его света не видят, руки его дрожат и делать не хочет, и на душе его мутится, и ничто ему добро на ум нейдет, только жадает душа его пити.

Аще ли у коего человека прилучися гостем званным быть на обеде род и друзья, а буде меня тут нет, тут бо несть ни радости, ни веселия, тут бо сидящим всем в молчании, той бо и обед нечестен и не хвален. Аще ли у коего обеда аз пребываю, тут много радости и веселия, и обед той честен и славен, от всех людей пребывающих в дому его.

Аще ли кто напьется и с похмелья испивает чашу, а потом жадает и другую, и потом инья многия испивает и так напивается по вся дни, а я // (л. 336 об.) в ту пору отрину от него доброе все и воздвигну на него помыслы бесовския, и потом введу его в горшую погибель, и учиню его горда и ленива, и напущу на него тягость большую, и пойдет из него во пьяне всякая неподобная речь, и станет со всяким браниться и задираться, покажется ему, что он силен и богат добре и лутчи всех.

Аз тебе глаголю, человече, аще которой князь или боярин учнет со мною знатися и меня держатися, то доспею его у Бога не в милости, и у царя не в жаловании, и сотворю его хуже нищаго и убогаго, аще ли опився и умрет, то душа его будет во огни негасимом, а тело его у церкви не положат, а покаместь он жив и напився // (л. 337) станет сидеть до полунощи, а спать до полудни, и на людей учнет воспалятися, тогда всю людие его и сироты и вдовицы восплачются и розбежата от его пьянства.

Еще глаголю тебе, человече, аще которой мастеровой человек учнет меня держатися, аз сотворю его ленива, и руки его станут дрожать, и делать ничего не восхочет, сотворю его злым пьяницею — хуже всех людей учнет пить и пропьется весь, а жена и дети пойдут в мир, и дом его весь разорю и не будет жилища его, ничего. И род, и племя от него отступятся.

Еще глаголю тебе, человече, аще учнет меня держатися которой гость или купец, и аз сотворю его безумна и живот // (л. 337 об.) свой истеряет и пропьет, и будет ходить вотщаной ризе и в раздранных сапозех, и станет он себе займовать

денег, и никто ему не поверит, и не дадут ему денег, видечи его пьянство. И род и племя от него отступятся.

Еще глаголю тебе, человеце, аще учнет меня держатися которой боярский человек, доспею его у государя его в ненависти, и будет он не дворянин, ни селянин и ум его отиму: начнет без ума ходить и без призору умрет.

Еще глаголю тебе, человеце, аще которая жена учнет меня держатися, сотворю ея пьяницу злу, и имет она пити, таяся от мужа своего, и наведу на нее похоть телесную и потом введу ея в большой позор, и будет она от Бога отлучена и от людей в посмехе. //

(л. 338) И еще глаголю тебе, человеце и всяким людем, мужем и женам. Кто меня держитца, таков нрав имею, доброе все от него оставлю и наведу на него все худое – учнет по дворам ходить и пить. Слыхал ли ты, человеце, о пьяницах. Пьяница есть применен к свинье. Свинья бо, где не видит, и она рылом потычет, таков и пьяница, аще где пьет, тут стоит и послушивает, пьют ли во дворе том, и спрашивает, в котором дворе пьют и тут стоит у ворот и зябнет и просит пити, а сорама и стыду не имеет, только во уме своем имеет, как бы напиться. А в котором дворе пить ему не дадут, и он отидет от двора того и зло мыслит на хозяина того и бранить ево, всякою негодною лаею. //

(л. 338 об.) И никого не боится, и сам себя величает и велика себе сотворяет, и никого не почитает, и со всяким бранится, и со всяким задирается, кажется ему, что он силен добре и богат и лутчи всех.

О, человеце! От пьянства цари царства изринушася, святители – святительства, сильнии немощни быша, храбрии мечею предани бывают, здравии – болни быша, многолетнии вскоре умроша без Божия суда. Аще кто пьян умрет, то сам себе убийца, тело его у церкви не положат и пения не будет, а душе его мука зла будет.

Пьянство ум отнимает, рукоделие портит, прибыли теряет. Пьянство князя сотворяет во убожестве и землю пусту сотворит, и долг наводит. Пьянство хитрим // (л. 339) мастером ум отнимает и не может смыслить дела своего и сотворяет его во убожестве.

Пьянство жен от мужей отлучает, а мужей от жен. Пьянство в безголовную беду человека вводит. Пьянство к церкви не пустит, книг чести не дает, Богу молитися не даст, страх Божий отнимает, смерти предает, во огонь вечный отсылает.

Ведай себе, человеце, еще: на ком худое платье – то пьяница, или наг ходит – то пьяница. Кто убился сам – руку или ногу переломил – то пьяница. Голову сломит – пьяница. Кто в грезе заваялся – пьяница. Кто сам зарезался – пьяница. Не годен Богу и человеком пьяница. Угожает пьяница только единому дьяволу, людем постыл – пьяница. // (л. 339 об.) Язык долог у пьяницы, уста не затворены у пьяницы. Что есть недоброе, то все у пьяницы, как в животе не станет – во огонь кинут пьяницу. В муку волокут пьяницу. Черви едят пьяницу Смерд велик от пьяницы. Разными муками учнут мучити пьяницу. С сотоною царствует во огни пьяница.

О человеце, како же аз глаголю тебе сия вся словеса моя, внимай во уши своя, и отрини прочь смоковницу сию, яже вси собрал, да не увидиши над собою».

Он же той муж, слыща от тоя травы глас глаголющ сицевы словеса сия и пристрашен бысть вельми и дивися, что от травы тоя исходит глас человеческий, сицевая словеса, и поверже он смоковницу на землю, // (л. 340) и пойде человек той в хижину свою, велико се чудо показася мне, прежде сего слышах аз апостола глаголюща, се яко угодно есть Богу, кто пьет воду, а ясть вовремя, а вина мало вкушати. От вина бо много пагубы бывает человеком, питье никотораго человека в доброе вводит, но только до зла доводит и ангел-хранитель от такового человека отходит, видя его безмерное пьянство, и дьявол о таком человеке радуется, вво-

дит его в погибель. Дьявол о неверном и о паганом человеке так не радуется, како о пьяном человеке православныя веры, иноверному и поганному не может ничто сотворить, а над пьяным человеком, что хочет, то и сотворит, на вся злая наводит, // (л. 340 об.) а Господа Бога нашего прогневляет пьяный человек.

Аще ли кий человек от пьянства лишен бывает, и тем Господа своего веселит и ангел Господень хранитель его души и тела ходит с ним радостен, а беси от такова человека отходят и большей гнев на него имеют, Господь Бог такова человека милует своею благодатию и хранит ево от дьявольскаго искушения, то воздержание добро и благоприятно Богу, и получит душе своей спасение и обрящет от Господа Бога милость в сем веце и в будущем ныне и присно и во веки. Аминь.

РНБ. Q.I. 708. Л. 335–340 об.

T. A. Makhnovets¹, L. V. Titova²

¹ Mari State University, Yoshkar-Ola, izograf240@yandex.ru

² Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Novosibirsk, Russian Federation, titova_istochnik@mail.ru

«Povest' o Khmele» in the literary process of the 17th century

«Povest' o Khmele» («A tale about hops») is published for the first time according to the lists of the 18th century sources (RS NL, Q. I, No. 708, p. 335–340), with the text differing from the well-known one in earlier editions. The analytical paper preceding the publication analyzes «Povest' o Khmele» known in the lists of the 17th – 18th centuries and created on the basis of the earlier works on the topic in question. The study can reveal the direction and methods of creative work of a new circle of scribes who represented well the requests of the readers the circle of whom was also updated and expanded. The main source of «Povest' o Khmele» was the manuscript «Slovo o Khmele» («The word about hops») the tradition of which was preserved from the 15th to the 19th century, testifying to the interest in it and the unrelenting demand. D. S. Likhachev regarded it as a «premonition» of «Povest' o Gore Zlochastii» («The Tale of Woe and Misfortune») in the personification of destiny, fate, and appearance, in this connection, of the image of a human double. D. S. Likhachev determined «Slovo o Khmele» to be in «the middle between high literature, turned ironically to the low subject, and skomorokh's raeshnik (couplets for a peep show)». The analysis of «Povest' o Khmele», and its source «Slovo o Khmele» made it possible to elucidate the origins of the nature of laughter culture and the themes of duality in the Old Russian literature. Actually, «Slovo o Khmele» anticipates the development of duality in the literature of the 19th and 20th centuries (in the works of F. M. Dostoyevsky, A. A. Blok).

«Povest' o Khmele» is not the only example of processing «Slovo o Khmele». In the 17th century, «A message to a certain monk about Khmel'» showed another approach of eliminating the dubious and dangerous features of the content and form of the source. His author proved to be a skilled professional with a variety of artistic means that made it possible to transform the text that is questionable for content and form into an essay entertaining and satisfying all the requirements of soul-worthiness.

Keywords: «Povest' o Khmele», «Slovo o Khmele», laughter culture, parable, fate-share, duplicity.

DOI 10.17223/18137083/65/5

References

Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [The poetics of early Byzantine literature]. Moscow, 1997, 343 p.

- Adrianova-Peretts V. P., Pokrovskaya V. F. *Bibliografiya istorii drevnerusskoy literatury. Drevnerusskaya povest'* [Bibliography of the history of Old Russian literature. Old Russian novel]. Moscow, 1940, 326 p.
- Likhachev D. S. Literatura epokhi istoricheskikh razmyshleniy [Literature of the epoch of historical reflections]. In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi: Vtoraya polovina XV v.* [Monuments of Old Russia: The second half of the 15th century]. Moscow, 1982, pp. 5–20.
- Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian literature]. Moscow, 1979, 360 p.
- Makhnovets T. A. Ritmicheskaya organizatsiya "Slova o Khmele" [Rhythmic organization of "The word about hops"]. In: *Pamyatniki literatury i obshchestvennoy mysli epokhi feodalizma* [Monuments of literature and social thought of the era of feudalism]. Novosibirsk, 1985, pp. 14–23.
- Makhnovets T. A. Soteriologicheskiy istorizm v drevnerusskoy literature [Soteriological historicism in Old Russian literature]. In: *Khristianskoe prosveshchenie i russkaya kul'tura: Materialy X nauch.-bogoslovskoy konf.* [Christian enlightenment and Russian culture: Materials of the 10th scientific-theological conf.]. Yoshkar-Ola, 2007, pp. 98–104.
- Mitrofanova V. V. *Russkie narodnye zagadki* [Russian folk riddles]. Leningrad, 1978, 178 p.
- Pamyatniki drevnerusskoy literatury. Vtoraya polovina XV v.* [Monuments of Old Russian literature. The second half of the 15th century]. Moscow, 1982, 688 p.
- Pamyatniki drevnerusskoy literatury. XVII vek. Kn. 2* [Monuments of Old Russian literature. The 17th century. The 2nd bk.]. Prep. and comm. by N. S. Demkova, T. A. Makhnovets. Moscow, 1989.
- Panchenko A. M. *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian culture on the eve of Peter's reforms]. Leningrad, 1984, 205 p.
- Povest' o Gore-Zlochastii* [The Tale of Woe and Misfortune]. Prep. by D. S. Likhachev, E. I. Vaneeva. Leningrad, 1985, 110 p.
- Romodanovskaya E. K. *Povesti o gordom tsare v rukopisnoy traditsii XVII–XIX vekov* [Tales about the proud king in the manuscript tradition of the 17th – 19th centuries]. Novosibirsk, 1985, 384 p.
- Senchina L. T., Girshman M. M. Liricheskiy syuzhet stikhotvoreniya M. Yu. Lermontova "Parus" [Lyrical plot of the poem by M. Yu. Lermontov "Sail"]. In: *Syuzhetoslozhenie v russkoy literature* [Plot in Russian literature]. Daugavpils, 1980, pp. 114–121.
- Titova L. V. *Beseda ottsa s synom o zhenskoy zlobe* [A conversation between father and son about female malice]. Novosibirsk, 1987, 416 p.
- Titova L. V. Puti formirovaniya i razvitiya russkoy povesti XVII v. [Ways of formation and development of the Russian story of the 17th century]. In: *Traditsiya i inventsiya v slavyanskikh literaturakh* [Tradition and invention in Slavic literatures]. Lodz', 2015, pp. 49–56.